

И.П.Иоанниди

“МОЯ РОДОСЛОВНАЯ” А.С. ПУШКИНА (к вопросу об истоках стихотворного фельетона)

В работе И.П. Иоанниди “Моя родословная” Пушкина (к вопросу об истоках стихотворного фельетона)” на основании анализа сюжета и композиции стихотворения “Моя родословная” и при сравнении его с двумя прозаическими фельетонами А.С. Пушкина утверждается, что “Моя родословная” является сложным жанровым образованием с преобладанием признаков стихотворного фельетона. В статье впервые указывается на присутствие в стихотворении “Моя родословная” характерных черт стихотворного фельетона: сатирической маски и фельетонной манеры изложения. На основании этого делается вывод о том, что “Моя родословная” представляет собой один из ранних образцов стихотворного фельетона.

Как известно, маска используется во многих сатирических жанрах, однако, именно в фельетоне, формирование и становление которого относится к середине XIX в., образ - маска находит наиболее широкое применение.

Обращение к истокам вышеуказанного сатирического приема позволило предположить, что образ - маску уже в 30-е г. XIX в. удачно использует в своем творчестве А.С. Пушкин.

Как отмечает Ю.Г. Оксман,¹ рождение сатирического пушкинского образа - маски относится ко времени написания двух прозаических фельетонов, подписанных именем Феофилакта Косичкина: “Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов” и “Несколько слов о мизинце господина Булгарина и о прочем”.² Это был не просто псевдоним, а литературная маска, надев которую автор превращается в сатирический персонаж, однако при этом он дает возможность прорваться из под маски своей иронии и негодованию.

Вслед за Феофилактом Косичкиным, А.С. Пушкин создает ряд сатирических образов - масок: то он принимает облик помещика - консерватора, пытающегося вести полемику с Радищевым (“Путешествие из Москвы в Петербург”), то разносит в пух и прах всю современную мировую литературу с позиции Российской академии (“Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной”) и др.² На наш взгляд, в этом ряду можно рассматривать и образ - маску “мещанина” из стихотворения “Моя родословная”, анализ которой будет проведен в настоящей статье в контексте двух прозаических фельетонов Ф. Косичкина и стихотворения “Моя родословная”.

Наличие образа - маски в фельетонах Ф. Косичкина было отмечено такими учеными - филологами и публицистами, как Е.И. Журбина, Ю.Г. Оксман и др.⁴ Что же касается стихотворения “Моя родословная”, то несмотря на присталь-

ное внимание литературоведов, публицистов и историков к этому стихотворению, насколько нам известно, оно еще не было изучено с точки зрения использования сатирической маски. В работах Я.Е. Эльсберга, И.З. Сермана, М.П. Еремина⁴ и др. стихотворение “Моя родословная” рассматривалось в связи с литературно-общественной борьбой 30-х г. XIX в.

Как известно, фельетоны Ф. Косичкина были направлены против редактора “Северной пчелы” Фаддея Булгарина, а упоминание его имени в конце “Моей родословной” является для нас указанием на то, что господин Булгарин - один из главных адресатов и этого стихотворения.

Разоблачение Булгарина началось ещё в 1830 г. (т.е. за год до создания образов Ф. Косичкина и “мещанина”) с памфлета “О Записках Видока”, значение которого состояло в том, что “впервые была печатно объявлена и заклеяна связь Булгарина с органами тайного полицейского надзора”.⁶ Вместе с памфлетом в свет выходит две эпиграммы: “Не то беда, что ты поляк” и “Не то беда, Авдей Флюгарин”, в которых также дана резкая отрицательная характеристика Булгарина и уже без намеков, обыгрывая имя и фамилию редактора “уважаемого” издания, Пушкин называет его Видоком Булгариным. Обе эпиграммы и памфлет, написанные в ответ на выпады и оскорбления личного характера в адрес Пушкина,⁷ тематически связаны с фельетонами Ф. Косичкина и стихотворением “Моя родословная”, самобытность которым придает прием сатирической маски.

Как отмечает Е.И. Журбина, уже в эпиграфе к фельетону “Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов” Пушкин, цитируя Цицерона: “Я вышел на арену вместе с равными мне”,⁸ - с первых же строк надевает на себя маску, становясь в один ряд с

Булгариным, Гречем, Орловым. “Мою родословную” поэт также начинает с облачения в сатирический образ “мещанина”:

Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом:
Смотри, пожалуй, вздор какой!
Не офицер я, не ассессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я братцы, мелкий мещанин. (II, 259)

Поводом для создания образа - маски мещанина мог послужить очередной выпад Булгарина против поэта с намеком на его недворянское происхождение. Редактор - остро слов для придания большего комического эффекта своей теории использует применительно к Пушкину оскорбительный по тем временам эпитет “мещанин во дворянстве”, являющийся переводом одноименной комедии Мольера.⁹

На первый взгляд, сатирическая маска в “Моей родословной” не обнаруживается, хотя читатель все время чувствует какой-то “подвох” в оценках двух ключевых понятий стихотворения: мещанин и аристократ. Исторические справки из “Словаря языка Пушкина”¹⁰ и “Путеводителя по Пушкину”¹¹ вносят некоторую ясность и позволяют с уверенностью утверждать, что, причисляя себя к мещанскому сословию, Пушкин ещё сильнее осознает себя потомком древнего дворянского рода. При всем своем уважительном отношении к лучшим представителям мещанского сословия, таким как Кузьма Минин, Михаил Ломоносов и др., Пушкин все же считает себя аристократом, принадлежавшим хоть и к разоряющемуся, но благородного происхождения роду. Надев же на себя маску “мещанина”, он выступает против той части аристократии, которая является потомками царских фаворитов XVIII в., достигших “степеней известных” благодаря беспрекословному исполнению воли царя. “У нас нова рождением знатность”; отмечает поэт и в следующей же строфе перечисляет (не называя прямо) представителей “новой знати”, разоблачая их не просто иронично, а с некоторой долей пренебрежения, с сарказмом.

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов. (II, 259)

Следовательно, образ мещанина в “Моей родословной” в значительной мере утрирован, что характерно для сатирической маски.

Проводя параллели между “Моей родословной” и фельетонами Ф. Косичкина, можно отметить то, что во всех трех произведениях присутствуют явные и скрытые адресаты: так Ф. Ко-

сичкин ведет спор с соратником Булгарина Гречем, а “мелкий мещанин” из “Моей родословной” определяет сразу несколько адресатов - Булгарин, Николай I и Петр I (два последних предположительно).¹¹

Пожалуй, главный адресат “Моей родословной” - господин Булгарин - по сути дела спровоцировавший Пушкина не только на создание образа - маски “мещанина”, о чем уже выше упоминалось, но и на использование и обыгрывание этого слова в целях борьбы с самим “остроумным” автором прозвища “мещанин во дворянстве”. Насыщая “Мою родословную” желчными намеками, Пушкин не упустил возможности больно ужалить своего врага его же собственным жалом. Концовка стихотворения адресована “вдохновенному Фиглярину”, которого “мелкий мещанин” Пушкин называет “дворянином на Мещанской”. Эти строки - намек на то, что жена Булгарина, не отмечавшаяся особой строгостью поведения в молодости жила в одном из домов терпимости на Мещанской улице в Петербурге.¹²

Решил Фигларин вдохновенный:
Я во дворянской мещанин.

Что ж он в семье своей почтенной?

Он? ... он в Мещанской дворянин. (II, 262)

Обыграв таким образом название улицы Мещанская, Пушкин казалось бы, сам объяснил одну из причин создания образа - маски “мещанина”.

Еще один, но уже скрытый адресат “Моей родословной” - Николай I. Изображая судьбу “упрямых” и “неукротимых” Пушкиных в 4 - 7 строфах, поэт высказывает свое негативное отношение к реформаторской деятельности Петра I - “пращур” Николая I; в вину Петра поэт ставит уничтожение древних аристократических родов и приверженность деспотической формуле “не поладил - повешен”. Образ Николая I высвечивается, по мнению М.П. Еремина,¹³ в связи с упоминанием имени Петра I. В 6-ой строфе “Моей родословной” Пушкин рассказывает о своем “пращуре”, не поладившем с Петром I и за это им казненным. И хотя в “Моей родословной” прямого обращения к Николаю I нет, Пушкин, вспоминая петровские времена, возвращается из исторического прошлого в современную ему реальность:

Его пример будь нам наукой:

Не любит споров властелин. (II, 260)

Этот стих афористичен, и выраженная в нем мысль имеет актуальный смысл - всякий властелин не любит споров. Публицистичность и полемическая окраска этой части стихотворения носят памфлетный характер, поскольку в них ярко выражен пафос негодования, перерастающий в сарказм, характерный для жанра памфлета, о чем справедливо писал В.Е. Прожо-

гин.¹⁴ Соглашаясь с этим, мы делаем акцент на то, что для первых трех строф и *post scriptum* "Моей родословной" присущ в первую очередь пафос иронии, а образ "мещанина" - иносказательная маска.

Сходство концовки "Моей родословной" с двумя упомянутыми в начале статьи эпиграммами против Булгарина позволяет сделать вывод, что в стихотворении присутствуют также эпиграмматические элементы. Так, последняя строфа "Моей родословной" по построению и содержанию напоминает эпиграмматический пуант, поскольку в нем сконцентрирована вся желчь, все негодование, направленные против Булгарина. Обыгрывание имен - прием достаточно редкий, и использование его в двух эпиграммах ("Не то беда, что ты поляк" и "Не то беда, Авдей Флюгарин") и в концовке "Моей родословной", видимо, не случайно. В первой эпиграмме и в концовке "Моей родословной" Пушкин превращает Булгарина в Фиглярина, а во второй эпиграмме фамилия Булгарина видоизменяется уже в другом ключе.¹⁵ И наконец, обыгрывая в пуанте название улицы "Мещанская", Пушкин наносит последний удар по своему врагу в духе самого же Булгарина. На основании этого сопоставления можно утверждать, что в "Моей родословной" присутствует и эпиграмматическое начало.

И прозаические фельетоны, и "Моя родословная" отличаются актуальностью и постоянно присутствующей иронией. На ироничный план изложения фельетонов Ф. Косичкина читатель настраивается сразу, поскольку уже в названиях "Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов" и "Несколько слов о мизинце господина Булгарина и о прочем" содержится легкий скепсис, подчеркивающий личное отношение автора к проблеме. И если в фельетонах этот стиль присутствует от начала до конца, то в "Моей родословной" ирония первых строф постепенно переходит в серьезное историческое повествование, не лишённое, однако, особого тона, сближающего язык

изложения с фельетонной манерой письма. Беглыми, выразительными характеристиками Пушкин выписывает комические портреты "аристократической, а на поверку холопствующей верхушки": "Не торговал мой дед блинами, <Намек на Меншикова, сподвижника Петра I> / Не ваксил царских сапогов <Намек на Кутайсова, бывшего камердинера Петра I>" и т.д.¹⁶ Этот, на первый взгляд, легкий тон изложения, на самом деле скрывающий в себе злободневные проблемы, максимально приблизил стиль "Моей родословной" к так называемой "фельетонной манере" изложения, чертами которой, по С.Д. Балухатому,¹⁷ являются: легкий тон, фривольность, свободное переключение с одной темы на другую, полемичность и др. Фельетонная манера создается также особым подбором лексических средств: обращение "братцы", характеристика собственного рода, как "дряхлающего", уничижительное определение литературных оппонентов как "писак" и др. Строфы 4 - 7 отличает особая манера подачи истории: весь материал изложен в форме сочетания высокого стиля с разговорно-фамильярным: "Родов дряхлающих обломок"; "Упрямества дух нам всем подгадил"; "И не якшаюсь с новой знатью" и др. Автор крупными мазками рисует многовековую историю России и пушкинского рода, преподнося порой трагические факты в форме фельетонного обозрения.

Наш анализ стихотворения "Моя родословная", приведенный в сопоставлении с фельетонами Ф. Косичкина, позволяет сделать вывод о том, что "Моя родословная" представляет собой сложное жанровое образование, в котором заметны черты памфлета, эпиграммы, но доминируют признаки стихотворного фельетона. Этот вывод предопределяет второй: "Мою родословную" можно рассматривать как один из ранних образцов русского стихотворного фельетона.

¹ См.: Оксман Ю.Г. Пушкин - литературный критик и публицист // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 6. М., 1976. С. 397. Далее анализируемые произведения А.С. Пушкина цитируются по этому изданию с указанием страниц.

² Пушкин А.С. Ук. соч. Т. 6. С. 69 - 76.

³ См.: Оксман Ю.Г. Ук. соч. Т. 6. С. 397.

⁴ О сатирических масках А.С. Пушкина см.: Журбина Е.И. Искусство фельетона. М., 1965. С. 217 - 230; Оксман Ю.Г. Ук. соч. С. 389 - 408. Перечень образов - масок можно дополнить масками, возникающими в жанре литературного послания, о которых пишет В.А. Грехнев (см.: Грехнев В.А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров. Горький, 1985. С. 29 - 30).

⁵ См.: Эльсберг Я.Е. Вопросы теории сатиры. М., 1957. С. 73 - 78; Серман И.З. Пушкин и русская историческая драма 1830

- годов // Пушкин. Исследования и материалы, т. VI. Л., 1969. С. 118 - 149; Еремин М.П. Пушкин - публицист. М., 1976. С. 171 - 414.
- ⁶ См.: Оксман Ю.Г. <примечания к памфлету "О записках Видока"> // Пушкин А.С. Ук. соч. Т. 6. С. 420.
- ⁷ Об этом см.: Пушкин А.С. Собр. соч. в 6-ти т. Путеводитель по Пушкину: Приложение к журналу "Красная Нива" на 1931. М.-Л., 1931. С. 70.
- ⁸ Об этом см.: Журбина Е.И. Искусство фельетона. М., 1965. С. 217.
- ⁹ Об этом см.: Словарь языка Пушкина в 4-х т. М., 1956, т. 2. С. 128.
- ¹⁰ Словарь языка Пушкина в 4-х томах, т. I. М., 1956,
- ¹¹ Об этом см.: Еремин М.П. Пушкин - публицист. М., 1976. С. 171 - 183.
- ¹² Об этом см.: Путеводитель по Пушкину. С. 248.
- ¹³ Об этом см.: Еремин М.П., Ук. соч. С. 171 - 183.
- ¹⁴ См.: Прожогин В.Е. М. Горький - как он писал, что думал и говорил о публицистике. М., 1963. С. 28.
- ¹⁵ О реальной основе отмеченных эпиграмм см.: Цявловская Т.Г. <примечания> // Пушкин А.С. Ук. соч. С. 596.
- ¹⁶ Цявловская Т.Г. Ук. соч. Т. 2. С. 595.
- ¹⁷ Балухатый С.Д. Фельетоны Иегудиила Хламыды в "Самарской газете" (Из истории ранней публицистики. М. Горького) // Балухатый С.Д. Вопросы поэтики. Л., 1990. С. 244 - 278.
- "Моя родословная" А.С. Пушкина (к вопросу об истоках стихотворного фельетона). Иоаниди Ирина Павловна, т. 71 - 01 - 08 (дом.).

Статья поступила в редакцию 17.09.99